

Элен
Вайт

Найду для тебя Мужа

Элен Вайт

Найду для тебя мужа

<https://litres.ru/74345983>

Аннотация

– А ты думаешь, я слепая, Марк? – отвечаю я, чувствуя, как к горлу подступает ком обиды. – Эта поездка, это его внезапное желание отметить мой день рождения в загородном доме, в глуши, далеко от друзей и подруг, ты в качестве гостя... Все это неспроста! Он хочет, чтобы я вышла за тебя замуж!

– Ксюша, ты сейчас серьезно? По-моему, тебе надо отдохнуть, – говорит Марк, качая головой. – Замуж? За меня? Да ты что, с ума сошла?

Я стою, как громом пораженная, не зная, что ответить. Неужели я действительно все придумала?

– Послушай, – продолжает Марк, поворачиваясь ко мне. – Здесь я со своей девушкой, мы приехали провести выходные в соседнем от вас шале. Никаких планов насчет нашей с тобой свадьбы у меня точно нет. И, если честно, я бы и не подумал о таком...

В один день Ксюша теряет все: богатого отца, мачеху, и свою безбедную жизнь. Но отец девушки как будто все предвидел – он поручает опеку над дочерью до ее замужества своему старому другу. Тот охотно принимает девушку в свою семью. Но он не знает, что Ксения давно знакома с его старшим сыном Марком.

И расстались они далеко не лучшими друзьями. Молодые люди снова встречаются на далеком острове и начинается противостояние характеров...

Приятного чтения)

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	36
Глава 8	41
Глава 9	46
Глава 10	51
Глава 11	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Глава 1

Ксюша

Влетаю в кабинет отца, как ураган, распахивая дверь с такой силой, что она ударяется о стену. Плевать. Пусть знает, что я больше не маленькая девочка, которую можно держать в золотой клетке.

- Пап, ну сколько можно?! - кричу я, стараясь, чтобы голос не дрожал. Хотя внутри все кипит от обиды и бессилия. – Сегодня мне восемнадцать! Восемнадцать, понимаешь? А я все еще должна спрашивать разрешения, чтобы выйти из дома! Сейчас твои верзилы не пустили меня даже за порог.

Он отрывается от бумаг, смотрит на меня поверх очков своим фирменным оценивающим взглядом. Этот взгляд всегда заставляет меня чувствовать себя экспонатом под микроскопом.

- Ксения, пожалуйста, не начинай, - устало говорит он. – Мы здесь, на горнолыжном курорте, чтобы отпраздновать твой день рождения. Я организовал все, чтобы тебе было хорошо.

- Хорошо?! Да какое тут «хорошо», если я даже воздухом свободно дышать не могу! Ты даже на мой день рождения привез меня сюда, подальше от друзей, которых к меня, кстати, нет, от нормальной жизни. Здесь только горы, снег и твоя охрана, шастающая за мной по пятам! И еще Альбина.

- Я делаю это ради твоей безопасности, Ксения. Ты же знаешь...

- Знаю! Знаю! Я знаю, что я - единственная наследница огромной империи, где каждый хочет урвать кусок. Но я не хочу жить, как в бункере! Я хочу свободы! Хотя немного! Мне сегодня восемнадцать. Неужели я не заслужила права решать, что мне делать?

Мой папа... Сергей Александрович Ивлев. Звучит солидно, правда? Успешный бизнесмен, как пишут в глянцевых журналах. А для меня он просто папа. Человек, который после смерти мамы стал моим миром, моей крепостью, моей тюрьмой, если честно.

Восемь лет назад все перевернулось с ног на голову. Авария. Мамы не стало. И папа, кажется, решил, что мир полон опасностей, а я – хрустальная ваза, которую нужно оберегать от малейшего сквозняка. С тех пор моя жизнь – это частная школа с углубленным изучением всего на свете, водитель, заменяющий мне друзей, и охранник, который дышит мне в спину, куда бы я ни пошла.

Я понимаю, отец боится. Боится потерять и меня. Видит во мне маму, наверное. Но я не мама! Я – Ксения, и мне восемнадцать лет. Я хочу гулять с подругами, а не сидеть в тонированном джипе с водителем. Хочу сама выбирать, что мне надеть, а не выслушивать советы стилиста, нанятого папой. Хочу... да просто хочу быть нормальной!

Он осыпает меня подарками, водит в лучшие рестораны,

покупает наряды от кутюр. Думает, этим можно заполнить пустоту, которую он же сам и создал. Но никакие бриллианты не заменят мне свободы. Никакие дорогие игрушки не заменят живого общения. Я чувствую себя золотой рыбкой в аквариуме. Красиво, безопасно, но... так одиноко.

Я знаю, папа любит меня. Но его любовь душит. Она, как клетка из золота, блестит и сверкает, но все равно остается клеткой. И я мечтаю вырваться из нее, вдохнуть полной грудью воздух свободы, почувствовать себя живой. Хотя бы на один день.

В кабинет, словно потревоженная пчела, влетает Альбина. Её лицо искажено притворной заботой – эта маска у нее получается превосходно. Альбина всегда умела играть роль любящей няни, даже когда я знала, что за этой маской скрывается что-то иное. В свои сорок восемь лет она выглядит превосходно: подтянутая фигура, ухоженные волосы, легкий макияж, который подчеркивает ее и без того яркие глаза. Сегодня на ней красивый кремовый костюм, который идеально сидит по фигуре. Она всегда тщательно следила за своим внешним видом.

- Ксюшенька, милая, что случилось? Твои крики слышны на весь дом. – Щебечет она, подходя ко мне. Её голос звучит так сладко, что аж зубы сводит. Она обнимает меня, прижимая к себе. Запах ее дорогих духов проникает в самые отдаленные отделы мозга. Альбина всегда любила роскошь, и, должна признаться, умела ею наслаждаться.

Я резко отталкиваю ее.

Альбина появилась в моей жизни, когда мне было всего десять лет, сразу после смерти мамы. Она стала моей няней, моей опекуншей, моей наставницей. По крайней мере, она всегда старалась ею казаться.

- А ты зачем сюда пришла? Мы можем с отцом хоть раз поговорить с глазу на глаз? – Резко говорю я.

- Ксюша! – Упрекает меня отец. – Нельзя так говорить с Альбиной. Видимо, мы слишком разбаловали тебя.

Альбина сверлит меня взглядом, отчего во мне еще сильнее закипает злость.

- Ты совсем не уважаешь отца! Как ты разговариваешь? – шипит она, а у меня в ушах звенит.

Папа, как всегда, молчит, опустив голову. Он никогда не мог поставить меня на место, слишком любил, слишком прощал. Но я больше не могу это терпеть. Хватит лицемерия.

- Да неужели? – выплевываю я, глядя Альбине прямо в глаза. - А ты, значит, очень уважаешь? Или ты просто хорошо пристроилась?

В комнате повисает тяжелая тишина. Вижу, как у Альбины дергается уголок губы. Она явно не ожидала такого поворота.

- Что ты несешь, Ксения? Ты сошла с ума? – ее голос дрожит от возмущения, но я вижу в ее глазах страх. Страх разоблачения.

- Ах, да? Может, напомнить тебе, сколько лет ты уже «ра-

ботаешь» няней, только не моей, а для моего отца? Вот только вы оба считаете, что я ничего не замечаю.

Слова режут воздух, как ножи. Я наблюдаю, как краска сходит с лица Альбины. Папа все также молчит, вжавшись в кресло. Он знает. Он всегда знал, и ничего не делал.

Все. Маски сорваны. Больше не будет притворства и фальшивых улыбок. Я сказала то, что давно вертелось у меня на языке. И пусть теперь они сами разбираются с этим клубком лжи и лицемерия. Я больше не хочу быть частью этого.

Хватаю со стола отца ключи от его машины, по пути в прихожей накидываю куртку и угги и, растолкнув охранников, выбегаю на улицу.

Глава 2

Марк

Снег хрустит под колесами, когда я паркую машину у нашего шале. Вокруг – заснеженная сказка: ели, словно в белых шубах, укутаны снегом. Все искрится и переливается в лучах заходящего солнца.

- Марк, как здесь холодно! Могли бы лучше на побережье слетать. Надеюсь, хоть в доме тепло будет, – ворчит Карина и, не дожидаясь меня, выпрыгивает из машины.

— Это пятизвездочный курорт, – с легким укором говорю ей вслед. Не понимаю ее вечного недовольства.

Карина не умолкала ни на минуту весь этот чертов полет. Пляж, пальмы, коктейли – казалось, она составила петицию против зимнего отдыха и намерена зачитать ее от начала и до конца.

Я помню, как выбирал этот курорт. Идеальное шале, трассы для лыжников любого уровня, спа-центр, чтобы Карина могла расслабиться после дня на склоне. Все продумано до мелочей. Но, видимо, недостаточно, чтобы угодить ее высокочеству.

Она бубнила о том, что замерзнет, что не умеет кататься на лыжах (и не собирается учиться), что ей нужна только лагунная вода и горячий песок. Я пытался объяснить, что зима – это романтично, что можно сидеть у камина, пить глинт-

вейн и смотреть на падающий снег. Но мои аргументы разбивались о стену ее летней тоски.

Карина, как угорелая, уже скрылась за дверью нашего шале, а я все вожусь с багажником, выгружаю наши чемоданы. И тут краем глаза замечаю какое-то движение. Из соседнего шале, словно ошпаренная, вылетает девчонка, ну совсем юная, лет восемнадцати на вид. Не успеваю и глазом моргнуть, как она выдергивает ключи из зажигания серебристого внедорожника, пересаживается в стоящую рядом черную Audi и со всей дури давит на газ. Машину заносит на обледенелой дороге, но девушка как-то умудряется выровнять ее и рвануть с места.

— Вот дура, — проносится у меня в голове. — Куда она так летит? Там же гололед жуткий.

Вслед за ней из дома выбегает пожилой мужчина, кричит что-то отчаянно:

- Ксюша, остановись! Ксюша!

За ним вылетают охранники. Приглядываюсь и узнаю Сергея Александровича, давнего друга моего отца. Вот так встреча!

- Сергей Александрович? — окликаю его.

Он поворачивается, видно, что взволнован до предела. Узнает меня, кивает.

- Марк, здравствуй! Вот ведь незадача... Лицо у него осунувшееся, руки нервно перебирает. - Ксюша опять чудит. Боже, как я за нее переживаю!

- Что случилось? – спрашиваю я, хотя и так все очевидно.

— Это ваша дочь?

Он кивает, совсем расстроенный.

- Уехала на машине, да еще и в таком состоянии... я боюсь, как бы чего не вышло.

Недолго думая, предлагаю:

- Давайте я попробую ее догнать? Может, получится вернуть. Пока не случилось ничего страшного.

Сергей Александрович смотрит на меня с надеждой.

- Ты бы смог? Я был бы тебе очень благодарен, Марк. Она же совсем еще ребенок, а характер... ух.

- Сейчас же, – говорю я, не теряя ни секунды. – Не могли бы вы передать Карине, моей спутнице, что я скоро вернусь.

Мой собеседник кивает.

Подхожу к своей машине, серебристому Range Rover, запрыгиваю внутрь и поворачиваю ключ зажигания. Мотор рычит, готовый сорваться с места. Сергей Александрович стоит рядом, его лицо полно беспокойства. Киваю ему, давая понять, что все под контролем, и выжимаю газ.

Выезжаю на дорогу, черт, машину немного ведет. Снега уже навалило прилично, и коммунальщики явно не успели все расчистить. Впереди виднеются следы Audi Ксюши, и я понимаю, что у нее есть небольшая фора.

«Ну ничего, догоню», – думаю я, увеличивая скорость.

Дорога скользкая, приходится быть предельно внимательным. Машину то и дело бросает из стороны в сторону. Снег

валит хлопьями, видимость не самая лучшая. Интересно, куда эта мелкая глупышка так торопится? И что у них там произошло с Сергеем Александровичем? Надеюсь, ничего серьезного.

Через несколько километров начинаю замечать вдалеке красные огни Audi. Она неслась, словно угорелая.

«Вот дура», – снова проносится у меня в голове. Решаю не подгонять, чтобы не спугнуть ее еще больше. Держу дистанцию и жду подходящего момента, чтобы остановить ее. Главное, чтобы она не натворила глупостей.

Начинает резко темнеть, снегопад усиливается, видимость падает до нескольких метров. И тут, через несколько мучительных поворотов, я вижу Ауди. Ксюшина машина в кювете, зарылась в огромном сугробе.

- Черт! Вырывается у меня. Останавливаю свою машину на обочине. Выскакиваю из нее и направляюсь к девушке. Только бы с ней ничего не случилось.

Подбегаю к ее машине, проваливаясь по колено в снег. Стучу в окно, заглядываю внутрь. Ксюша сидит за рулем, кажется, без сознания. Снег залепляет стекло, дворники бесполезны. Пытаюсь открыть дверь, но ее заклинило. Дергаю сильнее, ничего не выходит. В голове паника.

Бью кулаком по стеклу, снова и снова, пока, наконец, оно не трескается. Осколки сыплются внутрь. Просовываю руку, открываю дверь изнутри. Ксюша, вся бледная, смотрит на меня мутными глазами.

- Слава богу, жива. – Облегченно говорю я.

- Ты кто? – Удивленно спрашивает девушка.

– Марк. А вообще, я твой самый большой кошмар, Ксюша. Или, если хочешь, просто самый большой идиот на всем белом свете, раз поехал тебя спасать. А ты, смею предположить, типичная глупая, избалованная девчонка.

- Может, тебе еще корону на голову надеть, чтобы ты окончательно почувствовал себя спасителем всея Руси? Только вот спасать меня ни от кого не нужно было, ясно? - Ксюша попыталась улыбнуться, но получилось скорее болезненное дерганье уголков губ. Видимо, удар был сильнее, чем казалось. Нужно было срочно вытащить ее отсюда.

– Ладно, хватит болтать, – говорю я, стараясь придать голосу бодрость. – Сейчас я тебя отсюда вытащу. Только не сопротивляйся.

Подхватываю ее под руки, стараясь быть максимально осторожным. Она совсем легкая, как пушинка. Вытаскиваю ее из машины, и мы вместе почти падаем в сугроб. Снег моментально забивается под куртку, за шиворот, но сейчас не до этого. Главное – добраться до моей машины.

– Держись за меня, – говорю я, обнимая ее за плечи. – И постарайся идти. Хотя бы немного.

Поворачиваюсь назад, и меня пронзает осознание: я понятия не имею, куда идти. Белая пелена метели сливается с непроглядной темнотой, все вокруг превращается в однородную массу. Кажется, что пространство потеряло свои гра-

ницы, и я завис в пустоте.

Я достаю телефон – сеть не ловит. Надеюсь, что хоть тусклый свет фонарика поможет сориентироваться. Но луч лишь сгущает тьму вокруг, выхватывая из хаоса снежинок лишь небольшие фрагменты, которые тут же растворяются в общей картине.

Глава 3

Ксюша

Ледяной ветер хлещет по лицу, обжигая щеки. Снег забивается под воротник, тает и стекает противной струйкой по спине. Марк, этот незнакомец, словно чувствует мое отчаяние, сжимает мою руку еще крепче. Его хватка – единственное, что сейчас связывает меня с реальностью, не дает окончательно раствориться в этой бушующей стихии. Ноги заплетаются, каждый шаг дается с неимоверным трудом.

И вдруг, сквозь пелену снега, я вижу силуэт. Неужели это...? Да! Небольшой домик, словно мираж, возникает перед нами. Сердце учащенно бьется в груди, в теле просыпается слабая надежда. Марк тоже замечает домик и с облегчением вздыхает. Этот вздох – музыка для моих замерзших ушей.

Он тянет меня за собой, и мы, спотыкаясь, приближаемся к спасительному жилищу. Дверь поддается легко, и мы вваливаемся внутрь, словно два потерянных щенка. Внутри темно и пахнет сыростью и деревом. Глаза постепенно привыкают к полумраку, и я начинаю различать очертания мебели, старый камин, покрытый копотью.

Марк сразу принимается за дело. Он находит дрова, разводит огонь в камине. Я, обессиленная, сажусь на мягкое кресло и наблюдаю за его действиями. Тепло медленно раз-

ливается по телу, возвращая меня к жизни. Кажется, я начинаю чувствовать свои ноги.

Я наблюдаю за Марком, и не могу отвести взгляд. Его темные волосы, слегка растрепанные, придают ему небрежный, но чертовски привлекательный вид. Мужественное лицо с четко очерченными скулами и волевым подбородком кажется мне высеченным из камня. Легкая щетина на щеках добавляет ему шарма, делая его образ еще более притягательным. Да, он очень симпатичный мужчина.

- Может помочь? - спрашиваю, хотя знаю, что ответ будет язвительным. Смотрю на Марка, который, кажется, вот-вот взорвется. Его лицо искажено гримасой раздражения, а взгляд прожигает дыру во мне.

- Все, что могла, ты уже сделала, Ксюша, - цедит он сквозь зубы. - Просто великолепно, благодаря тебе мы застряли посреди леса в этой дыре, в метель!

- Тебя никто не заставлял ехать за мной. Надо было оставаться дома, а не геройствовать перед моим отцом. Это же он попросил тебя поехать за мной? – Так, судя по лицу Марка, он меня сейчас уколошит.

Он резко разворачивается и подходит ко мне, нависая сверху. Его глаза мечут молнии, а каждая черта лица напряжена. Внутри все сжимается от страха и вины.

- Ты хоть представляешь, чем это могло закончиться? Если бы не я, ты бы сейчас замерзла где-нибудь в сугробе! Хоть бы об отце подумала.

– Об отце я как раз и думаю! – выпаливаю я, стараясь не выдать дрожь в голосе. – Он всегда все за меня решает! С кем дружить, куда поступать, теперь еще и за кого замуж выходить!

Марк отшатывается от меня, словно я его обожгла. В его глазах читается удивление, смешанное с непониманием.

– Замуж? Ты о чем вообще? – хмурится он.

– А ты думаешь, я слепая? – отвечаю я, чувствуя, как к горлу подступает ком обиды. – Эта поездка, это его внезапное желание отметить мой день рождения в загородном доме, в глуши, далеко от друзей и подруг, ты в качестве гостя... Все это неспроста! Он хочет, чтобы я вышла за тебя замуж!

– Ты сейчас серьезно? По-моему, тебе надо отдохнуть, – говорит Марк, качая головой. – Честно говоря, после твоих слов, я начинаю думать, что удар головой в аварии все-таки оставил какие-то последствия. Замуж? За меня? Да ты что, с ума сошла?

Он подходит к окну, вглядываясь в темноту за окном, словно ища там ответы на мои безумные обвинения. Я стою, как громом пораженная, не зная, что ответить. Его слова ранят сильнее, чем любой удар. Неужели я действительно все придумала? Неужели это просто все случайность, а я тут нагородила невесть что?

– Послушай, – продолжает Марк, поворачиваясь ко мне. – Я очень давно знаю твоего отца, наверное, с детства. А здесь я со своей девушкой, мы приехали провести выходные в со-

седнем от вас шале. Никаких планов насчет нашей с тобой свадьбы у меня точно нет. И, если честно, я бы и не подумал о таком.

Щеки начинают гореть от стыда. В голове проносятся обрывки разговоров, взгляды отца, его загадочная улыбка... Может быть, я все неверно истолковала? Может быть, я действительно преувеличиваю, видя в каждом его действии скрытый умысел? Но почему тогда он так настаивал на этой поездке?

- Ладно, - говорит Марк, - раз мы оказались в такой ситуации, то надо придумать, как переждать ночь. Нам надо согреться и просохнуть. А утром решим, что делать. Раздевайся, – слова Марка повисают в мокром, холодном воздухе, словно сосульки.

Раздеваться? В его присутствии? Сердце колотится где-то в горле, мешая дышать. Холод пробирает до костей, но от одной мысли, что я останусь почти голой перед Марком, становится невыносимо жарко. Он смотрит на меня с каким-то странным выражением, смесью сочувствия и... интереса?

Но здравый смысл берет верх. Я же трясусь от холода, а другого выхода нет. Да и Марк, наверное, просто хочет помочь. Аккуратно расстегиваю мокрую куртку, стараясь не касаться его. Он отворачивается, и я чувствую облегчение.

Дрожащими пальцами расстегиваю пуговицы промокшей рубашки. Ткань липнет к коже, вызывая отвратительное чувство. Сбрасываю ее на пол, следом летят джинсы, превратив-

шиеся в подобие кольчуги. Зубы стучат от холода, но я продолжаю раздеваться, понимая, что другого выхода нет. Марк делает то же самое, и мы оба, полуголые, смотрим друг на друга в этой снежной ловушке.

Глава 4

Марк

В полумраке домика Ксюша кажется особенно хрупкой и беззащитной. Она дрожит всем телом. И тут мне приходит в голову, что мои благие намерения могли быть восприняты совсем иначе. Надо срочно что-то делать. Не говоря ни слова, беру стоящий неподалеку кровати большое одеяло. Подхожу к Ксюше и осторожно накидываю его ей на плечи, стараясь не касаться ее больше необходимого. Она вздрагивает, но не отстраняется.

Сажусь рядом с ней у камина, который, к счастью, уже успел хорошо разгореться. Пламя жадно пожирает сухие ветки, отбрасывая причудливые тени на стены домика. Мы сидим, касаясь плечами, и это едва заметное прикосновение обжигает меня сильнее, чем огонь в камине.

- Подожди немного, сейчас станет теплее, - говорю я.

Подбрасываю еще дров в огонь, наблюдая, как языки пламени взлетают вверх, разгоняя мрак и холод. Ксюша кутается в одеяло, ее взгляд устремлен в огонь. В нем читается усталость и растерянность.

С треском рассыпаются искры, когда я подкидываю еще пару поленьев в камин. Огонь жадно лижет дерево, и в комнате становится ощутимо теплее. Отхожу от камина и направляюсь к массивному дубовому шкафу, который стоит в

углу гостиной.

- Так, посмотрим, что у нас тут припасено, – бормочу себе под нос, открывая дверцу. Глаза сразу цепляются за знакомую бутылку. – Ого, да у нас тут очень хороший виски, – с удовлетворением произношу я. – Теперь мы точно не замерзнем, – улыбаюсь, зная, что это лишь предлог.

Возвращаясь к Ксюше, которая уютно устроилась под теплым одеялом на диване. Ее глаза сияют в отблесках пламени.

- Как раз отметим твой день рождения, – говорю я, протягивая ей стакан с янтарным напитком. Она улыбается в ответ и берет стакан, касаясь кончиками пальцев моих. Этот мимолетный контакт обжигает теплом.

Я присаживаюсь рядом с ней под одеяло, она сразу прижимается ко мне. Запах ее волос – нежный, цветочный – наполняет меня умиротворением. Делаю глоток виски, отчего тепло разливается по телу. В тишине слышно лишь потрескивание дров в камине.

- С днем рождения, – шепчу я, наклоняясь к ней. Она поднимает на меня глаза, в которых я вижу вселенную. Этот момент – идеален.

- Спасибо. – Ее губы совсем близко.

Так, стоп. Сердце колотится где-то в горле.

Ксюша смотрит на меня своими огромными зелеными глазами, полными ожидания, надежды... и, кажется, даже чего-то большего. Но я не могу. Не должен. В голове – калей-

доскоп мыслей, каждая из которых больно бьет по вискам. Карина. Она ждет меня. Мы договорились провести этот вечер вместе, в уютном шале, вдали от городской суеты. Год. Целый год мы вместе. И все рухнет из-за мимолетного порыва?

Черт, как же неловко.

Смотрю на Ксюшу и понимаю, что вижу не просто хорошенькую девчонку с наивными глазами. Она... особенная. И я чертовски сильно рискую все испортить. Нельзя позволить этому зайти слишком далеко. Карина этого не заслуживает. Да и Ксюша тоже.

Выпиваю почти залпом стакан с янтарным напитком. Надо остановиться. Но как же прекрасна и соблазнительна сидящая рядом девушка. Ксюша тоже допивает свой бокал и смотрит на меня затуманенным взглядом.

- Согрелась? - спрашиваю, наблюдая, как по щекам Ксюши разливается легкий румянец. Оранжевый отблеск пламени камина играет в ее глазах, делая их еще более загадочными. Она кивает, ставя пустой бокал на столик.

- Устала я, Марк, ужасно устала, - тихо говорит она, отворачиваясь к огню. — От всего. От этой вечной опеки, от контроля каждого моего шага. Папа считает, что я маленькая девочка, которую нужно оберегать от всего мира. Но мне уже восемнадцать! Я хочу жить своей жизнью, совершать ошибки, учиться на них.

Я молча беру ее руку в свою. Холодные пальцы сжимают

мою ладонь, и я чувствую, как она дрожит.

- Сегодня был просто предел, - продолжает Ксюша, всхлипывая.

- Я понимаю, Ксюш. Это тяжело, когда тебя не воспринимают всерьез, когда не доверяют твоему выбору. Но знаешь, родители ведь обычно так поступают из любви. Они боятся, что тебе будет больно, что ты разочаруешься.

Она вздыхает, не отрывая взгляда от танцующих языков пламени.

- Я знаю. Но эта любовь душит меня. Я хочу сама решать, с кем мне дружить, куда поступать, чем заниматься. Я хочу быть свободной, Марк. Понимаешь?

Ее слова еще висят в воздухе, но я уже не слышу их. Вижу только ее, Ксюшу, всю ее нежность и упрямство в этих распахнутых глазах. Кажется, время замирает, когда мои пальцы касаются ее щеки. Шелковистые волосы скользят между пальцев, словно нити лунного света. И тогда я не выдерживаю.

Наклоняюсь к девушке. Ее дыхание обжигает мое лицо. Мои губы находят ее губы, сначала робко, неуверенно, словно боясь спугнуть это мгновение. Но она не отстраняется. Наоборот, подается навстречу, и тогда я позволяю себе углубить поцелуй.

Это не просто прикосновение губ. Это взрыв. Вулкан, проснувшийся внутри меня. Ее губы мягкие, податливые, в них тает вся ее решимость, вся ее борьба за свободу. Я це-

люю ее жадно, страстно, вкладывая в этот поцелуй всю свою любовь, всю свою нежность и отчаяние.

Ее руки взлетают к моим волосам, сжимая их. Есть только Ксюша, ее губы, ее тепло, ее запах, сводящий меня с ума. Мои руки скользят по ее спине, ощущая каждый изгиб. Пальцы зарываются в ее волосы на затылке, слегка оттягивая их, и она издает тихий стон, еще больше распаяя меня. Одеяло падает с ее плеч.

Я углубляю поцелуй, и она открывается мне навстречу. Наши языки сплетаются в танце, страстном и неудержимом. Все, что мы не могли сказать словами, мы выражаем сейчас, через этот безумный, головокружительный порыв.

Опускаю руки ниже, к ее талии, притягивая ее ближе, насколько это возможно. Хочу почувствовать ее каждой клеточкой своего тела. Ее тело отвечает, изгибаясь навстречу, жар волной прокатывается по моей коже.

К черту все! Шале, Карина, наши отношения. Сейчас есть только я и Ксюша.

Глава 5

Марк

Ксюша падает на кровать, увлекая меня за собой, и я нависаю над ней, не в силах оторвать взгляд от ее полуоткрытых губ, от ее блестящих, полных страсти глаз.

Касаюсь ее плеча губами, она вздрагивает в ответ. Мои поцелуи становятся более смелыми, более требовательными, я оставляю дорожку влажных следов на ее шее, спускаясь все ниже и ниже. Она стонет, запрокидывая голову, и этот звук пробуждает во мне еще большую жажду.

Ее дыхание становится прерывистым, вторя моему собственному. Ее пальцы впиваются в мою спину, подталкивая меня навстречу, в самое пекло этого безумия. И я отвечаю ей, каждым своим прикосновением, каждым вздохом, каждым стоном.

Останавливаюсь лишь на мгновение, поднимаю взгляд и вижу в ее глазах смесь страха и волнения. И тут я понимаю, что это для Ксюши впервые...

Легким движением руки я убираю прядь волос с ее лица и снова касаюсь ее губ. На этот раз поцелуй более мягкий, более ласковый. Я даю ей время привыкнуть, почувствовать себя комфортно в моих объятиях. Я хочу, чтобы она запомнила этот момент как что-то прекрасное, а не как пугающее приключение.

Провожу рукой по изгибам ее тела, изучая каждый сантиметр, каждый бугорок, каждую ложбинку. Ксюша отвечает мне тем же, ее руки скользят по моей коже, вызывая мурашки и заставляя сердце биться в бешеном ритме. Мы словно танцуем какой-то древний, первобытный танец, в котором нет слов, только чувства, только инстинкты, только безудержная страсть.

И вот, когда кажется, что больше невозможно вынести этого напряжения, когда тело горит, а разум готов взорваться, мы достигаем вершины. Взрыв чувств, каскад эмоций, ураган страсти – все это обрушивается на нас, захлестывая с головой.

После шторма наступает тишина. Мы лежим, обессиленные и счастливые, в объятиях друг друга. Ее кожа влажная, дыхание прерывистое, но в глазах – блаженство.

Ее светлые волосы щекочут мою щеку, дыхание ровное и спокойное. Ксюша безмятежно спит, прижавшись ко мне, словно я – ее убежище. А меня прошибает холодным потом. Что я натворил? Как я мог допустить это? В голове пульсирует лишь одна мысль: это была огромная ошибка.

Я смотрю на ее спящее лицо и чувствую острый укол вины. Она такая юная, такая чистая... И я, как последний подонок, воспользовался ее доверчивостью. Алкоголь, чертов алкоголь, затуманил разум, притупил моральные принципы. Я знаю, что утро принесет с собой не только похмелье, но и осознание всей мерзости произошедшего.

Как я объясню ей, что это было безумие? Что я скажу ее отцу, Карине?

Пью виски прямо из горла и засыпаю, сидя в кресле.

Голоса проникают сквозь вату в голове, режут слух, как битое стекло. Открываю глаза и вижу их – Сергея Александровича, крепко прижимающего к груди свою дочку.

- Ксюшенька, доченька, как же хорошо, что вы целы и невредимы, – повторяет Сергей Александрович, целуя ее в макушку. В его голосе слышится облегчение.

С трудом поднимаюсь с кресла, отчего все тело протестует. Ноги заплетаются, голова кружится.

- Марк, я не знаю, как благодарить тебя, - Сергей Александрович поворачивается ко мне, его глаза влажные от слез.
- Ты спас ее. Если бы не ты... Он замолкает, не в силах закончить фразу, и крепче прижимает Ксюшу к себе.

Слабо улыбаюсь, стараясь скрыть боль, пронзающую виски.

- Не стоит благодарности, Сергей Александрович. Я просто оказался рядом. – Слова даются с трудом, горло пересохло.

Ксюша. Она смотрит сквозь меня, словно я – призрачная тень, не имеющая никакого значения. Ни проблеска узнавания, ни тени раскаяния в ее глазах. Идеально разыгранный спектакль, браво, Вчерашняя страсть, горячие шепоты и клятвы – все это словно случилось в параллельной вселенной, не имеющей отношения к этой холодной, отстраненной

девушке.

Отворачиваюсь, чтобы Сергей Александрович не заметил моего смятения. Вспоминаю каждый ее вздох, каждое прикосновение, каждое слово, сказанное той ночью. Неужели я настолько ошибся? Неужели я настолько слеп, что не увидел фальши? Нет, не может быть. Что-то случилось, что-то ее изменило. Но что?

Внезапно Ксюша поднимает глаза и на мгновение встречается со мной взглядом. В ее глазах мелькает что-то, похожее на мольбу, но тут же исчезает, сменяясь привычной маской безразличия.

Все понимаю без слов. Она не хочет, чтобы я рассказал ее отцу о том, что произошло этой ночью.

- Марк, давай мы отвезем тебя на ваше шале. Там Карина уже вся изнервничалась. – Говорит Сергей Александрович. – А нам пора в аэропорт, самолет скоро.

Шале. Карина. Голос Сергея Александровича вырывает меня из омута утренней дымки, возвращает в реальность с болезненной резкостью. Ксюша... Её имя словно эхо замирает в комнате, в воздухе, пропитанном остатками ночных объятий. И тут же – Карина. Черт, как я мог забыть? Ночь с Ксюшей опьянила меня, словно терпкое вино, вытеснила все остальное. Теперь это нужно похоронить, запереть в самом темном уголке памяти.

Ксюша смотрит на меня, и в её взгляде я читаю немой вопрос, укор, возможно, даже понимание. Да, она права. Это

было ошибкой, импульсом, слабостью. Я киваю ей едва заметно, без слов обещая, что это останется между нами. Надеюсь, она поверит.

Поднимаюсь, одергиваю помятую рубашку. Сергей Александрович уже нетерпеливо переминается с ноги на ногу.

- Да, да, конечно, поехали, - бормочу я. В голове – хаос, в душе – смутное чувство вины и сожаления. Но сейчас нужно думать о Карине.

Ксюша остается стоять в дверях, маленькая и потерянная в лучах утреннего солнца. Я захлопываю дверь, словно отсекая прошлое. Впереди – шале, Карина и необходимость собрать осколки своей жизни в единое целое. Задача не из легких, но я должен справиться.

- Дочка, пошли же скорее! – Кричит Сергей Александрович Ксюше.

Глава 6

Ксюша

Машина останавливается, и охранник отца глушит мотор. Я выхожу, потягиваясь после долгой дороги. Морозный воздух обжигает щеки, и я торопливо кутаюсь в шарф. В этот момент между двумя шале появляется она – словно видение в белом. Шубка, светлые сапожки, развевающиеся на ветру волосы. Она бежит к нам, и ее радостный крик эхом разносится по заснеженной парковке:

- Марк! Как же я рада, что ты вернулся, и с тобой ничего не случилось!

Замираю, наблюдая за этой сценой, как будто смотрю кино. Она обнимает мужчину, прижимается к нему всем телом, и целует. Это не просто дружеский поцелуй, это что-то интимное, глубокое. Мое сердце сжимается от странного предчувствия, от ощущения, что я вторглась в чужой мир, в котором мне нет места.

- Фу, как же от тебя пахнет алкоголем! – морщит она носик, отстраняясь от Марка.

- Ну извини, приходилось как-то греться, – оправдывается он с виноватой улыбкой.

- Я даже рада, что ты выбрал именно такой способ. – Улыбается девушка. – Ты же знаешь, что есть другие, и я с нетерпением их испробую на тебе.

Их диалог звучит так непринужденно, так естественно, словно они годами разговаривают вот так. А я стою в стороне, словно невидимая.

- Простите, что прерываю вашу идиллию, - произношу я нарочито вежливо, приподнимая бровь. – Но, кажется, меня забыли представить. Ксюша, та девушка, которую спасал ваш парень.

Белое видение вздрагивает и отстраняется от Марка, словно ее застучали за кражей пирожных. На ее лице мгновенно появляется выражение натянутой учтивости.

Взгляд этой Снежной королевы, наконец, падает на меня. Она окидывает меня быстрым, оценивающим взглядом, проходясь по мне сверху вниз. В ее глазах я не вижу ни теплоты, ни дружелюбия, лишь любопытство и, может быть, даже легкое презрение.

- Ах, да, Ксюша! Простите мою невоспитанность, совсем замоталась, ожидая Марка. Я Карина, его... подруга, - произносит она с подчеркнутым акцентом на последнем слове, словно проверяя, как яотреагирую. – Очень приятно познакомиться с девушкой, ради которой Марк рисковал своей жизнью... Надеюсь, и с вами все хорошо.

- Не переживайте, я в полном порядке. Марк, спасибо тебе, что не скормил меня волкам на ужин. А, поверьте, он был очень близок к этому.

- Карина, иди в дом. – Хрипит Марк, сверля меня ледяным взглядом. – Я сейчас подойду.

Девушка, как послушная собачка, выполняет его команду, прощаясь со мной.

Наконец, Карина скрывается из виду. Ледяной взгляд, которым сверлил меня Марк секунду назад, не предвещает ничего хорошего. Внутри меня всё сжимается от вчерашних воспоминаний, от прикосновений, от безумной страсти, которая нас захлестнула. Но я должна играть свою роль до конца. Отец и Карина не должны не о чем догадаться.

- Что ж, вот и конец нашему маленькому приключению. – Цежу сквозь зубы, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно более равнодушно. - Надеюсь, ты получил то, что хотел, Марк. А я... я тоже хорошо развлеклась. Прекрасный получился день рождения.

Марк молчит, прожигая меня взглядом. В его глазах – буря. Боль, гнев, непонимание... и что-то еще, что я боюсь признать даже самой себе. Что-то, что заставляет меня хотеть броситься к нему, забыть обо всем на свете и утонуть в его объятиях. Но я отгоняю эту мысль, как назойливую муху. Нельзя. Просто нельзя.

Я делаю шаг назад, стараясь увеличить расстояние между нами. Воздух так наэлектризован, кажется, искры вот-вот посыплются. «Не смотри на меня так», – хочется крикнуть, но вместо этого я заставляю себя улыбнуться холодной, надменной улыбкой.

- Было приятно провести с тобой время, Марк. – Мой голос звучит фальшиво, как на сцене плохого театра

– Правда? – в его голосе слышится насмешка, режущая слух словно осколок стекла. – Отлично провела время? Знаешь, я тоже неплохо развлекся. Особенно наблюдая за тем, как ты пытаешься убедить саму себя в том, что тебе все равно. Ну, а если уж быть совсем честным с тобой, то не льсти себе, куколка. Ты была неплоха, но не более. Просто способ скоротать ночь!

Краска заливает мои щеки. Как же он меня видит насквозь! Эта его способность одновременно восхищает и пугает. Я отворачиваюсь, делая вид, что смотрю на охрану. Теперь все кажется каким-то размытым, ненастоящим. Словно декорации в этом театре абсурда, который мы тут разыгрываем.

– Мне пора, – бурчу я, стараясь побыстрее закончить этот разговор. – Спасибо за... за все.

Я делаю попытку обойти его, но он перехватывает меня за руку. Его хватка сильная, обжигающая. Я вздрагиваю от прикосновения, но не пытаюсь вырваться. Часть меня, безумная, жаждет этого. Жаждет его близости, его тепла.

– Куда ты так спешишь? – шепчет он, приближаясь ко мне. Его дыхание касается моей щеки, вызывая мурашки по всему телу. – Неужели боишься, что я увижу, как тебе на самом деле тяжело?

Сглатываю, ощущая, как пересыхает во рту.

– Боюсь? Да я ничего не боюсь! – с вызовом отвечаю я, глядя прямо в его темные, насмешливые глаза. – Это ты бо-

ишься, Марк. Боишься признать, что я задела тебя больше, чем ты готов допустить. Не привык, что женщины сами уходят.

Его губы скривились в презрительной усмешке.

- Задела? Ты смешна, Ксюша. Ты – мимолетное развлечение, не более. Не стоит переоценивать свою значимость. - В его словах – лед, в глазах – вызов. И я принимаю этот вызов.

- Отлично. Так что можешь считать, что эта ночь – ошибка. Ошибка, которую я больше не повторю. Разворачиваюсь и, не оглядываясь, ухожу, чувствуя на себе его прожигающий взгляд. Пусть смотрит. Пусть гадает. Пусть думает, что победил. На самом деле, он понятия не имеет, что только что разбудил во мне зверя, которого ему лучше не знать.

Глава 7

Прошло 2 года

Ксюша

Я осталась одна. Тишина оглушает меня больше, чем крики кредиторов, шарящих по комнатам в поисках хоть чего-то, что можно унести. Снуют, как крысы в трюме тонущего корабля, и я их понимаю. Отец обещал горы золотые, а оставил лишь горы долгов. Неделю назад все рухнуло. Неделю назад объявили, что отец и его... супруга... Альбина... пропали без вести в горах. «Несчастный случай», - так это называли в новостях. Несчастный случай, оставивший меня одну в этом хаосе.

Свобода. Какое лицемерное слово. Я свободна от его чрезмерной опеки, от душащей защиты, от необходимости улыбаться его жене. Да, после того как я все им высказала, Альбина стала официальной супругой отца.

Но эта свобода горчит, как полынь. Я бы предпочла вечную удушающую заботу, лишь бы отец был здесь, чтобы сказать мне, что все будет хорошо. Хотя бы раз.

В гостиной раздается грохот. Наверное, свалили очередную безделушку, которую отец купил, чтобы произвести впечатление. Все эти статуэтки, картины, вазы... все это пыль, прикрывающая пустоту. Пустоту в его душе, которую он так и не смог заполнить. Пустоту из-за безвременно ушедшей

моей мамы. Пустоту, которая теперь зияет и во мне.

Смотрю в окно. Серый, унылый пейзаж идеально отражает мое внутреннее состояние. Дождь монотонно барабанит по стеклу, словно отсчитывая секунды моей новой, никому не нужной жизни.

Мне сейчас предстоит очень много дел. Нужно найти адвоката, разобраться с документами, с этими бесконечными долгами. Нужно похоронить отца и Альбину, если, конечно, найдут их тела. Нужно... Просто нужно выжить.

Но как? Как жить дальше, когда все, что у тебя было, превратилось в пепел?

Я не знаю. И это самое страшное.

Скрип гравия под колесами режет слух, как скрежет ножа по стеклу. К дому подъезжает очередной монстр на колесах – черный, тонированный, огромный внедорожник, словно явившийся из кошмарного сна о непогашенных кредитах. Я грустно вздыхаю, предчувствуя очередную порцию ледяного пренебрежения или, что еще хуже, фальшивого сочувствия. Кажется, я уже научилась отличать их по звуку двигателя. Этот рычит особенно угрожающе.

Дверь внедорожника с тихим щелчком открывается, и из чрева машины появляется мужчина. Высокий, подтянутый, в дорогом костюме, который сидит на нем как влитой. Он двигается с уверенностью хищника, высматривающего свою добычу. Очередной кредитор, без сомнения.

Но, к моему удивлению, он входит в дом, с порога не на-

чинает кричать и требовать, а вполне вежливо здоровается. Его голос – низкий, бархатный, обволакивающий – диссонирует с его хищной внешностью.

- Ксюшенька, боже, какая же ты выросла, и какой красавицей стала! – произносит он, оглядывая меня с головы до ног. - Разреши представиться, Дмитрий Сергеевич Колесов, давний друг твоего отца, его сослуживец.

Сослуживец? Отец никогда о нем не упоминал. Я напрягаюсь, словно сжатая пружина, готовая выстрелить в любой момент. Его слова кажутся подозрительно гладкими, словно тщательно отшлифованными. И этот взгляд... Он не смотрит, а сканирует меня, словно рентген.

- Очень приятно, – выдавливаю я, стараясь сохранить видимость спокойствия. Но внутри все сжимается от дурного предчувствия. Что ему нужно? Почему он здесь? И что скрывается за этой маской вежливого сочувствия? – Отец никогда о вас не рассказывал.

Колесов присаживается напротив меня, его взгляд кажется одновременно сочувствующим и решительным.

- Мы с твоим отцом служили вместе, потом наши пути разошлись, мы не виделись долгое время. Но наше общение не прекратилось. Мы продолжили переписываться обычными бумажными письмами. – Говорит он, и его голос звучит как эхо из далекого прошлого. – И еще тогда мы обещали друг другу, что если с кем-нибудь из нас что-то случится, то другой позаботится о его семье.

В его словах чувствуется какая-то странная обреченность, словно он предвидел сегодняшний день.

Он достает помятое письмо. Я беру его дрожащими руками и вижу знакомый почерк. Это папа... Он сообщает, что они с Альбиной отправляются в какой-то безумный тур в горы, и... и напоминает своему другу позаботиться обо мне. Мое сердце сжимается от ужаса. Перечитываю письмо снова и снова, пытаюсь найти хоть какое-то объяснение, но нахожу лишь отчаянное прощание.

- Я не могу поверить, – шепчу я, – он как будто бы знал, что погибнет. Слезы застилают глаза, и я едва вижу, как Колесов протягивает мне еще один конверт.

— Вот еще один документ, – говорит он, и его голос звучит как приговор.

Открываю конверт, и вижу завешание, составленное отцом. Там говорится, что Колесов должен заботиться обо мне, пока я не выйду замуж.

— Это тоже распоряжение твоего отца, – объясняет Колесов.

- Но зачем? Зачем все это? Мне уже двадцать лет, я совершеннолетняя, и я не нуждаюсь ни в каком опекуне. Я не понимаю... – говорю я, чувствуя, как внутри поднимается волна возмущения.

- Да, формально это так. Но ты кое о чем еще не знаешь, – отвечает Колесов, и в его голосе слышится какая-то тайна.
- Твой отец часть своего имущества оформил на тебя, и его

сейчас не могут забрать кредиторы. Но и ты не сможешь его получить, пока сама крепко не встанешь на ноги. Поэтому я и здесь, Ксюша, я хочу тебе помочь. Ты поедешь со мной, будешь жить в моей семье.

Мои мысли путаются, я чувствую себя загнанной в угол. Все это кажется каким-то кошмаром, от которого невозможно проснуться.

- Но я не хочу! – почти кричу я, не в силах сдержать отчаяние.

Я не хочу ехать ни с каким Колесовым, не хочу жить в чужой семье. Я хочу, чтобы мои родители были живы, чтобы все было как прежде. Но реальность жестока и беспощадна. Колесов смотрит на меня с непоколебимой твердостью.

- У тебя нет выбора, – говорит он, и эти слова звучат как окончательный приговор моей свободе.

Глава 8

Марк

Солнце уже высоко, и его лучи проникают сквозь жалюзи моего кабинета, отбрасывая полосы света на полированный стол. Я чувствую легкую нервозность, играющую где-то в животе. Сегодня приезжает Карина. Год мы планируем эту свадьбу, и каждый раз что-то встает на пути. Будто сама природа противится нашему союзу. То у нее внезапные съемки в Европе, то у меня срочные переговоры в Сингапуре, то ливни заливают остров, то невыносимая жара заставляет туристов бежать. Я надеюсь, что на этот раз все сложится.

В дверь стучат, и входит Кирилл, мой управляющий. Его всегда безупречный костюм сидит на нем как влитой, ни единой складочки. Он немногословен и крайне эффективен — именно поэтому я ему доверяю.

- Марк, доброе утро. Хотел обсудить с тобой предстоящий сезон. Бронирование идет полным ходом, виллы раскупают как горячие пирожки.

Я откидываюсь на спинку кресла, скрещивая пальцы за головой.

— Это хорошие новости, Кирилл. Мы должны быть готовы к наплыву туристов. Все должно быть идеально.

- Безусловно, Марк. Персонал проинструктирован, все системы проверены. Мы готовы.

Я вздыхаю, вспоминая свою семью. Они любят приезжать внезапно, без предупреждения.

- Кирилл, не забудь оставить несколько номеров для моей семьи, они, как всегда, приедут неожиданно.

- Будет сделано, Марк, – отвечает он, слегка кивая головой. Я вижу, как он записывает что-то в своем блокноте. Он никогда ничего не забывает.

Разговор продолжается. Мы обсуждаем логистику, поставки продуктов, развлечения для гостей. Все должно быть на высшем уровне, чтобы оправдать ожидания наших клиентов. Но мысли мои все равно блуждают где-то далеко, в аэропорту, где, надеюсь, Карина сейчас выходит из самолета.

- Кстати, Марк, Карина Юрьевна сообщила, что сегодня не приедет.

- Черт! – вырывается у меня непроизвольно, когда Кирилл произносит эти слова. Вся та нервозность, что я пытался подавить, вырывается наружу удушающей волной. Карина не прилетит. Снова.

Хмурюсь, пытаюсь взять себя в руки. Кирилл смотрит на меня с невозмутимым профессионализмом, но я вижу в его глазах легкое сочувствие. Он наверняка помнит все предыдущие отмены.

- Понятно, – говорю я, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно. – Она объяснила причину?

- Да, Марк. Непредвиденные обстоятельства, связанные со съемками. Что-то сорвалось, и ей нужно срочно быть на

площадке.

- Съёмки... конечно, съёмки, – повторяю я механически. Это уже становится дурной привычкой. Вечный круговорот съёмок, командировок и несостоявшихся планов. Год планирования, и вот, опять все насмарку. И почему она об этом сообщила моему управляющему, а не мне, своему, как бы, жениху?

В груди поднимается раздражение. Не на Карину, нет. На эту ситуацию, на эту чертову неопределенность, которая висит над нами, как грозовая туча.

- Хорошо, Кирилл, – говорю я, вздыхая. – Спасибо, что сообщил. Ты можешь идти.

Кирилл кивает и выходит из кабинета, оставляя меня наедине со своими мыслями. Я смотрю в окно на бескрайний океан, на бирюзовые волны, лениво накатывающиеся на берег. Этот вид обычно меня успокаивает, но сегодня он кажется каким-то пустым и бессмысленным.

Беру телефон и набираю номер Карины. Гудок, еще один, еще... Она не отвечает. Оставляю ей сообщение, короткое и сухое: «Кирилл сказал. Перезвони, когда сможешь.»

Бросаю телефон на стол и встаю, начиная нервно расхаживать по кабинету.

Останавливаюсь у окна, вглядываясь в горизонт. Солнце уже клонится к закату, окрашивая небо в багряные и золотые оттенки. Красиво, конечно. Но эта красота кажется мне сегодня какой-то фальшивой, словно декорация к спектаклю,

в котором я играю главную роль. Роль человека, у которого все есть, кроме самого главного – простого человеческого счастья. Опять спектакль – один я уже пережил два года назад. И больше ничего не слышал про Ксюшу, про ту глупую избалованную девчонку.

В глубине души я понимаю, что вся эта затея со свадьбой, этот тщательно выстраиваемый образ идеальной семьи, нужен мне скорее для имиджа. Отель, бизнес, репутация – все это взаимосвязано, как звенья одной цепи. И Карина, красивая, успешная, узнаваемая, идеально вписывается в эту картину. Но люблю ли я ее? Наверное, нет. Или, по крайней мере, не так, как это принято понимать. Тем, кого любят по-настоящему, не изменяют. А я... я до сих пор не могу выкинуть из головы ту ночь с Ксюшей.

Не то чтобы я чувствовал себя виноватым. Скорее, смущенным. И удивленным. Почему эта случайная девчонка, с которой мы провели всего несколько часов, так сильно въелась в мою память? Ведь мы оба признали, что это было просто развлечение на одну ночь. Никаких обещаний, никаких клятв, никаких последствий. Так почему же я до сих пор вспоминаю ее смех, ее прикосновения, ее внезапную откровенность?

Убеждаю себя, что это была всего лишь минута слабости, секундное затмение. Что любой мужчина на моем месте поступил бы также. Но ложь не клеится. Я знаю, что это неправда. Дело не в Ксюше, а во мне. Во мне самом есть ка-

кая-то трещина, какая-то пустота, которую я пытаюсь заполнить деньгами, успехом, красивой картинкой. И, похоже, все это не работает.

Вспоминаю ее глаза. Чистые, наивные, немного грустные. В них не было ни расчета, ни корысти, только искреннее желание разделить момент. И, может быть, именно этой искренности мне так не хватает в отношениях с Кариной. С ней все всегда просчитано, взвешено, спланировано. Нет места спонтанности, нет места настоящим чувствам.

Я отгоняю эти мысли. Они только усложняют ситуацию. Нужно сосредоточиться на настоящем, на том, что у меня есть. У меня есть отель, у меня есть бизнес, у меня есть Карина. И я должен сделать все возможное, чтобы этот образ соответствовал действительности. Даже если для этого придется предать себя.

Так, мама оставила сообщение. Ого, они через четыре дня прилетают, просят оставить им три номера. Зачем три?

Глава 9

Ксюша

В доме Колесовых я чувствую себя удивительно легко и непринужденно. И намного свободней, чем была при отце и Альбине. Ольга Петровна, жена моего опекуна, оказалась невероятно доброй женщиной. Она окружила меня такой заботой, будто я ее родная дочь. Мне даже немного неловко от этого внимания, но в то же время очень приятно.

Марина, супруга Виктора, младшего сына Колесовых, тоже стала моей подругой. Она легкая, веселая и всегда готовая поддержать разговор. А маленькая Юля, их доченька! Я обожаю эту кудрявую егозу. С ней я забываю обо всем на свете.

Сегодня утром, спускаясь на завтрак, я чувствую себя бодрой и отдохнувшей. Ольга Петровна уже накрыла на стол: ароматный кофе, свежие булочки, домашний джем... Я сажусь и принимаю чашку из ее рук.

- Ксюша, милая, – говорит она с улыбкой, – через три дня мы улетаем в отпуск всей семьей. Марк, наш старший сын пригласил нас в свой отель. Там так здорово!

Я поднимаю брови от удивления. Отель? Марк? Почему это имя меня все время преследует меня. Стараюсь не показывать своего волнения, но внутри все трепещет.

Марина радостно подхватывает:

- Да, там просто рай! Я как раз сегодня собираюсь Юльке

вещи в поездку покупать. Пошли со мной? Будет веселее!

Ольга Петровна смотрит на меня с ободряющей улыбкой:

- Конечно, Ксюшенька, сходи с Мариной. Развейся, тебе полезно будет.

Мы с Мариной, словно два электровеника, носимся между вешалками с детской одеждой. Она с азартом выбирает крохотные купальники с рюшечками и платица с единорогами, а я комментирую и хихикаю, изображая из себя эксперта по детской моде, хотя мой опыт в этой сфере ограничивается лишь умилением над чужими младенцами.

- Ну как тебе этот купальник? Не слишком ли ляписный? – Марина вертит перед собой цветастый треугольник ткани.

- Ляписный? Да это сама квинтэссенция детского гламура! Представь, как Юлька будет блистать в нем на пляже, затмевая всех этих заморских принцесс! – отвечаю я с серьезным видом.

Марина хохочет, но купальник все же кладет в корзину.

- Ладно, убедила. А что скажешь насчет этого парео с фламинго? Может, перебор?

- Перебор? Да это недобор! Срочно бери два! Один для Юльки, другой – для себя! Будете как мать и дочь фламинго, дефилировать по берегу!

- Тогда уж три, тебе тоже прихватчу. Все мужчины на пляже будут твоими.

Мы обе заливаемся смехом. Марина действительно покупает это парео, но только одно, для Юльки. Она рассказыва-

ет мне про отель, куда они ездят уже который год. Говорит, там просто рай земной, особенно для детей.

- Представляешь, – щебечет она, перебирая футболки с забавными надписями, – там целый детский городок, аниматоры, аквапарк! Юлька оттуда вылезать не хочет! А вечером – детская дискотека. Все дети там отрываются, как настоящие звезды!

- Детская дискотека? Звучит как филиал ада на земле! – шучу я.

Марина закатывает глаза.

- Ну, не скажи! На самом деле это очень мило. И родители хоть немного могут отдохнуть. Там, кстати, и для взрослых развлечений хватает. Спа, рестораны, бары... Всего не перечислишь! А какие там мужчины. Вот только я замужем за самым лучшим мужчиной на земле. А для тебя мы могли бы кого-нибудь подобрать.

— Марина, дорогая, да ты просто мать Тереза в юбке от Прада! Такая забота о моей личной жизни трогает меня до глубины души. Только боюсь, после твоих восторженных речей о спа, ресторанах и «мужчинах», я представляю себе нечто среднее между силиконовым качком, пытающимся казаться интеллектуалом, и разочарованным в жизни финансистом, ищущим утешения в объятиях случайной курортницы.

Марина заливисто смеется, запрокидывая голову.

— Ксюша, ты все преувеличиваешь и драматизируешь!

Там есть вполне приличные экземпляры. Просто... они более расслабленные, что ли.

Я делаю страдальческое лицо.

- Боюсь, я просто не выдержу конкуренции с этими «расслабленными экземплярами», щеголяющими загаром, дорогими часами и знанием названий всех коктейлей на свете.

- Ничего страшного, попросим Марка о тебе позаботиться, если рядом не будет зудеть его мерзкая подружка. – И Марина снова весело хохочет

Черт! Опять это имя. Марк. Одно лишь имя, а в голове моментально всплывает та единственная ночь. Одна-единственная, вырванная из контекста моей упорядоченной жизни, словно страница из романа, которую я предпочла бы забыть. Он был... сыном друга моего отца. Какая ирония. Какая ничтожно малая вероятность того, что мы едем в отель именно того Марка. Но предчувствие, как назойливая муха, не дает покоя.

Вспоминаю детали той ночи. Полумрак, горький привкус виски, треск камина, его взгляд, такой обжигающий и излучающий одновременно. Тогда я была другой, более смелой, более отчаянной, готовой на безумства. Марк... Он казался воплощением свободы, той самой, которой мне так не хватало.

В животе неприятно скручивается. Может, все это глупости. Может, это простое совпадение. Может, есть сотни Марков, владеющих отелями на побережье.

В мысли врывается голос Марины, словно звук будильника, безжалостно возвращающего меня из мира призрачных воспоминаний в суровую реальность.

- Все, с детскими вещами покончено. Как насчет бикини для нас?

- Отличная идея, это как раз единственная вещь, которая отсутствует в моем гардеробе. – Отвечаю я. Не буду углубляться в подробности того, что у меня ее и никогда не было. Альбина всегда считала, что такие купальники – это зло в чистом виде.

Улыбаюсь своему отражению. В зеркале на меня смотрит уверенная, сильная, независимая женщина. Женщина, которая знает себе цену. Женщина, которая не боится быть собой.

Возьму-ка я, пожалуй, вот это.

- Ого, смело. – Улыбается Марина. – Но с твоей фигурой будет смотреться обалденно. Мне надо что-то по закрытий, после родов до сих пор не приду в форму.

- Не говори глупостей, ты сама стройняшка, никогда бы не сказала, что у тебя есть ребенок. – Говорю я, и это читая правда. Марина смотрится просто обалденно.

- Убедила, возьму такой же, только розовый. Ох, Ольга Петровна будет в шоке. А муженек мой в восторге.

Глава 10

Марк

Как всегда, все пошло не по плану. Я должен был встретить свою семью, но накануне возникла эта срочная командировка. Они прилетели немного раньше, чем я. Вернулся уже ночью, когда все спали. И, Кирилл, как назло, попросил два дня отпуска перед сезоном.

Возвращаюсь в отель после изматывающей командировки. На часах глубокая ночь. У ресепшена уточняю, все ли в порядке с моими родными. Улыбчивая девушка заверяет, что они благополучно разместились в лучших номерах, которые только смогли выделить. Выдыхаю с облегчением и направляюсь к себе.

Захожу в свой номер, усталый как черт. Только успеваю скинуть пиджак, как раздается звонок. Смотрю на дисплей – Карина.

- Привет, любимый, как ты? – льется в трубку ее приторно-сладкий голос. Обычно она так разговаривает, когда чувствует за собой вину.

- Привет, все нормально. Устал только, – отвечаю, стараясь скрыть раздражение.

- Ой, Марк, прости, пожалуйста, я такая растяпа! Совсем замоталась на работе и не успела к приезду твоих родителей. Так неудобно вышло!

Я замираю.

- Карина, погоди. С каких пор ты знаешь о приезде моих родителей? Я, кажется, тебе ничего не говорил.

В голове начинают роиться подозрения. Откуда она узнала? Кто ей рассказал?

В трубке на секунду повисает тишина.

- Ну как же, ты же сам говорил... кажется... давно это было. Не помнишь, что ли?

В ее голосе слышится какая-то натянутость, фальшь.

- В любом случае, я скоро освобожусь и приеду. Увидимся?

- Ладно, приезжай, когда получится, – сухо отвечаю я и отключаюсь.

Кладу телефон на тумбочку и смотрю в потолок. Что-то тут не так. Чувствую это каждой клеткой тела. Незаметно для себя засыпаю.

Опять этот ранний подъем. Но я привык. Тело само выталкивает меня из постели, даже если вчера я завалился сюда уже глубокой ночью. Рассвет только красит горизонт над океаном нежными красками. Идеальное время для пробежки. Песок приятно холодит ступни, волны лениво накатывают, облизывая берег.

И вдруг я вижу ее. Девушка. Плещется в воде, как дельфин. Смешно. Но что-то не так. Она слишком далеко. Течение здесь коварное, особенно у обрыва. Там водовороты, затягивает в секунду. Мы же специально знак установили, пре-

дупреждающий. Неужели не видела?

Я начинаю махать руками, кричу во все горло, но ветер уносит мои слова. Она, кажется, вообще не замечает меня. Продолжает беззаботно барахтаться в воде, наслаждаясь, видимо, прохладой океана. Глупая! Ей что, жить надоело?

Сердце начинает колотиться быстрее. До обрыва остается совсем немного. Еще пара минут, и ее утащит под воду. Надо что-то делать. Нельзя же просто стоять и смотреть, как человек тонет. Сбрасываю кроссовки, скидываю футболку. Бегу к воде.

Я знаю, что это опасно. Но выбора нет. Нужно успеть. Нужно ее вытащить. Пока не поздно. Прыгаю в воду, прохлада обжигает кожу, но я не обращаю внимания. Главное - успеть. Плыву к ней изо всех сил, проклиная ее безрассудство и себя за то, что оказался здесь, в это чертово утро.

В одно мгновение течение подхватывает её, словно пушинку. Она отчаянно барахтается, руки мелькают над водой. И тут меня будто током бьёт. Ксюша?

— Ксюша! Держись! — ору я, стараясь перекрыть взбесившееся море. Её взгляд встречается с моим. В нём плещется страх, отчаяние, мольба. Но есть в нём и что-то странное, необъяснимое. Словно она ждёт меня здесь, на краю гибели. Отбрасываю все вопросы, все сомнения. Сейчас не время. Нужно спасать.

Подплываю ближе, хватаюсь за её руку. Холодная, скользкая от воды. Ксюша вцепляется в меня, как утопающая за

соломинку. Течение усиливается, тянет нас обоих к обрыву. Руки слабеют.

Но девушку не отпускаю. Не могу отпустить.

Собираю последние силы, начинаю грести к берегу. Медленно, мучительно, сантиметр за сантиметром. Волны бьют в лицо, солёная вода обжигает глаза. Ксюша молчит, лишь крепче сжимает мою руку. Кажется, она полностью доверяется мне, отдаёт свою жизнь в мои руки. И я не имею права её подвести.

Наконец, выбираемся из этой проклятой зоны. Обессиленные, мокрые, но живые. Вытаскиваю Ксюшу на песок. Она кашляет, видимо, хорошо наглоталась воды. Обнимаю её, крепко-крепко, боюсь поверить, что всё закончилось.

Смотрю в ее побледневшее лицо, и внезапно накатывает такая злость, что готов кричать. Какого черта она здесь делает?

— Ты хоть понимаешь, что чуть не утонула? — рывкаю я, отстраняясь от нее. — Знак видела? Что там написано? Куда тебя понесло? Глупая девчонка!

Ксюша молчит, опустив глаза. Вся ее бравада, беззаботность, с которыми она плескалась в воде, исчезли без следа. Передо мной стояла перепуганная, дрожащая девочка, которой только что чудом удалось избежать смерти.

— Я... я не заметила, — шепчет она, прожигая меня взглядом. — Я просто хотела искупаться. Было жарко.

Жарко ей было! А я тут чуть коньки не отбросил, вытас-

кивая ее из этого дерьма! Ярость поднимается во мне новой волной. Хочется накричать, отчитать, вытрясти из нее всю дурь. Но я просто чудом сдерживаю себя.

Ксюша вскакивает на ноги, отряхивая песок с купальника. Ярость бьет через край, выплескиваясь в каждом слове, в каждом движении.

— Ты думаешь, я специально туда полезла, чтобы тебя развлечь?! Какой же ты идиот, Марк! Может, мне просто захотелось освежиться, а? Может, я не знала, что там какая-то чертова воронка?!

Смотрю на нее, пораженный этой внезапной вспышкой. В голове что-то щелкает, и волна гнева немного отступает, сменяясь легким чувством вины. Возможно, я действительно перегнул палку. — Ладно, — говорю я, поднимая руки в примирительном жесте. — Я погорячился. Просто... испугался за тебя.

И тут я понимаю, что кроме крошечного бикини на ней нет ни грамма одежды. Песок прилип к мокрой коже, подчеркивая каждый изгиб. Капли воды стекают по ее плечам, исчезая под крохотной верхней частью купальника. В голове моментально выветриваются и гнев, и вина, оставляя лишь обжигающее желание.

Забыв обо всем на свете, делаю шаг вперед. Ксюша отшатывается, настороженно глядя на меня. Но я уже не могу остановиться. Ее глаза, полные только что ярости, сейчас растерянно расширены. Девушка и сама не понимает, что

происходит.

Протягиваю руку и осторожно убираю прядь мокрых волос с ее щеки. Кожа под пальцами ощущается нежной и горячей. Кажется, я разучился говорить. Да и зачем слова, когда все и так понятно без них?

- Марк, иди к черту!

Глава 11

Марк

Ксюша убегает. Я остаюсь на берегу один. И что это сейчас было? И вообще, что она делает на этом острове? Не дай бог, еще и в моем отеле поселилась.

Черт, что за наваждение? Эта девушка – словно искра, вспыхнувшая в моей размеренной жизни. В

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.